ГРѢХЪ.

Въ вотчинной конторѣ главный прикащикъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, на высокомъ кругломъ табуретѣ передъ высокою конторкою; вокругъ человѣка два побрякивали счетами, а въ передней половинѣ комнаты, отдѣленной перильцами, стояли нѣсколько крестьянъ. Они подходили поочередно, кланялись, клали передъ главнымъ прикащикомъ нѣсколько раскрытыхъ ассигнацій и, если дѣло было въ порядкѣ, по знаку его, молча либо со вздохомъ удалялись. Кому счастье послужило и оброкъ былъ выработанъ съ избыткомъ, тотъ былъ и съ виду повеселѣе, потряхивалъ головой и разводилъ кудри руками; иной же бѣднякъ вздыхалъ и сопѣлъ и поворачивался, будто нехотя, когда приходилось туго, либо надо было просить на одну часть оброка отсрочки. Прикащикъ обращался хорошо и довольно ласково съ людьми, и кто вносилъ болѣе половины за полгода и представлялъ

дѣльныя причины, тому онъ, при надлежащихъ наставленіяхъ, давалъ отсрочку. Низко кланяясь и благодаря Ивана Тимоѳеича за милость и льготу, тотъ уходилъ съ отсрочкой своей домой.

Наконецъ прикащикъ обратился къ крестьянину, который стоялъ поодаль въ углу, держалъ шапку передъ собою въ опущенныхъ рукахъ, глядѣлъ въ землю и во все время даже ни разу не почесался. Крестьянинъ этотъ не задолго передъ симъ отвѣчалъ прикащику:

- Нѣту у меня ни гроша, батюшка Иванъ Тимоѳеичъ, власть ваша.

Иванъ Тимоѳеичъ тогда поглядѣлъ на него только искоса и продолжалъ разсчитываться съ другими; теперь же онъ, положивъ оба локтя на конторку, опять посмотрѣлъ на мужика попристальнѣе и сказалъ:

- Осипъ! что жь это будетъ съ тобой? шутишь ты, что ли?

- Не шутки на умѣ, батюшка, отвѣчалъ тотъ: - такая задача задалась, что хоть ты что хошь дѣлай. Извѣстно, батюшка Иванъ

Тимоѳеичъ, ваше дѣло правое; на васъ нашему брату жаловаться нечего, да и на господъ плакаться грѣшно: милуете и жалуете, а свое, что слѣдуетъ, внеси; на то тягло держишь, на то землю пашешь. Что угодно, то и дѣлайте; и отсрочки просить больше не стану - что нонѣ, что завтра, что черезъ годъ - знать ужь все одно, мнѣ заплатить нечѣмъ; такъ задалось.

- Да отчего же такъ, Осипъ, отчего же другіе платятъ и не жалуются, что оброкъ великъ, а говорятъ, что по силамъ?

- И я, батюшка, не жалуюсь, благодаримъ господъ своихъ и васъ: оброкъ, нечего Бога гнѣвить, не то, чтобы больно великъ; да, вишь, какъ нѣтъ его и воротился съ пустыми руками, такъ что станешь дѣлать? Не велика вещь вчерашній день: дней у Бога впереди много, да ужь не забудешь его, хоть надорвись. Сами вы изволите знать, что замной ни пьянства, ни другого какого художества нѣтъ; да, видно, такое есть попущеніе Божіе, такъ задалось.

- Плохо будетъ тебѣ, Осипъ: другой срокъ упускаешь и все не исправенъ. Я ужь

не знаю, что съ тобой и дѣлать стану; а потачки тебѣ нельзя дать, ужь и ради другихъ.

- Объ этомъ кто говоритъ, Иванъ Тимоѳеичъ, это извѣстное дѣло, что нельзя: вы поноровите одному, а они всѣ откажутся, пожалуй, съ половины мужиковъ не сберешь оброку.

- Такъ хоть растолкуй мнѣ, какая жь была тебѣ задача? Годъ ходилъ, руки работящія есть: отчего жь ты ничего не принесъ?

- А вотъ, батюшка, отчего: пришелъ я на мѣсто ни съ чѣмъ, таки вотъ черезъ силу дотянулся; а въ Питерѣ, извѣстно, омутъ: какъ ввалился въ рогатку, такъ и доставай мошну: билетъ выправить, больничные, да пошлинные, да за прописку - а ѣсть надо, на гривенникъ одного хлѣба на день мало - ну и идешь къ кому ни попало, таки живьемъ въ руки разбойнику и отдаешься: только слава, что подрядчикъ, а христіанской души въ немъ нѣтъ. Ну, работалъ я недѣли съ три, а тамъ схватило меня что-то, заболѣлъ; пролежалъ и не

долго, да подрядчикъ все въ прогулъ ставитъ, вычету полагаетъ по цѣлковому на день. Легкое дѣло цѣлковый! Отдать-то его не мудрость, да, поди-ка, заработай его! Тутъ, только что вышелъ изъ больницы, другая бѣда прилучилась, такъ вотъ ровно съ неба за грѣхи свалилась: сталъ, то есть сдѣлался прикосновеннымъ - и Богъ знаетъ за что; а затаскали было и пропалъ было совсѣмъ: раздавили на улицѣ человѣка, наѣхала карета, сшибла его и подъ колеса. Онъ лежитъ, а тутъ бой такой, не по здѣшнему, карета за каретой, стукъ, крикъ - того гляди, раздавятъ лежачаго вовсе, а еще онъ, можетъ статься, живъ. Я подскочилъ, ухватилъ его подъ руки и оттащилъ къ краю, то есть, по тамошнему, плитуваръ называется, гдѣ ходятъ пѣшіе; набѣжали эти городовые, взяли его, да и меня туда же. Я проситься у нихъ: за что, молъ, меня-то? Тамъ, говорятъ, разберутъ все, а намъ тебя, по прикосновенности, отпустить нельзя: пойдемъ и не толкуй.

Привели, да и увязили меня въ такое мѣсто, что не дай Богъ ни другу, ни

недругу. Сижу я недѣлю, сижу другую, денегъ со мной нѣтъ ни гроша - хоть пропадай! Наконецъ черезъ великую силу упросилъ я, чтобъ хоть послали обо мнѣ вѣсть подрядчику: авось, хоть онъ не вступится ли. Подрядчикъ пришелъ, выкупилъ меня у писаря. Я взмолился ему, какъ вотъ отцу родному; работалъ все лѣто, пришло дѣло къ разсчету - съ костей да на кости - онъ насчиталъ еще рублевъ семь на меня! Какъ, молъ, такъ? побойся ты Бога! - Да вотъ какъ: вотъ, молъ, что слѣдуетъ тебѣ за лѣто; вотъ сколько вычету за прогулъ, когда былъ боленъ, а вотъ сколько, какъ сидѣлъ въ сибиркѣ; да вотъ еще выкупу за тебя дано. Гляди, что осталось: вотъ, семи рублей не хватаетъ.

Поплакался я на обиду да пошелъ къ другому подрядчику: авось-де не посчастливится ль получше. Такъ старый подрядчикъ не отпускаетъ, не отдаетъ паспорта; принужденъ занять у новаго деньги да расплатиться: вотъ и заработалъ. А тутъ еще опять-таки за прописку, да то, да сё, такъ я опять въ долгу, какъ въ

репью. Ну, авось, Богъ милостивъ, отработаемъ, что нибудь заслужимъ; благословясь, пошелъ опять снова. Проходитъ мѣсяцъ, другой, третій, что-то подрядчикъ нашъ больно плохъ дѣлается, все отнѣкивается, какъ придетъ дѣло къ разсчету, все, говоритъ, послѣ, а выдаетъ, кому ужь больно нужно, по гривнамъ да по копѣйкамъ. Мы потолковали промежь собой - какъ быть? Уйдешь, все пропадетъ, что заработано; кажись, онъ человѣкъ добрый, и люди хвалятъ - останемся да поработаемъ, авось, не обидитъ. Пришелъ срокъ, надо распускать рабочихъ, а подрядчика нашего нѣтъ, пропалъ. Снялъ онъ, вишь, работы съ торговъ, по планамъ, разсчитавъ по сваѣ и по кирпичику, а тутъ вышло не то: какъ пришлось къ дѣлу, анъ планы тѣ и не годятся; тутъ прибавить, тамъ убавить, тутъ на сводахъ сдѣлать, тамъ подъ бутъ сваи забить, - а всего этого по ряду и не было; онъ туда, сюда, хотѣлъ было откинуться - такъ не пускаютъ; деньги-те усадилъ, пошелъ просьбы писать да смазывать - и сѣлъ; вотъ онъ,

сердечный, утопился ли, какъ сказывали, бѣжалъ ли куда, только что пропалъ, а мы съ одними руками да съ брюхомъ и остались. Покуда водили насъ, да допрашивали, да выдали паспорты, такъ послѣднія крохи и проѣли, и животики подобрались; срокъ паспортамъ вышелъ, гонятъ, ступай домой - вотъ я и пришелъ. Батюшка Иванъ Тимоѳеичъ, что хочешь, то надо мною и дѣлай.

Подумавъ немного, прикащикъ все-таки счелъ за нужное побранить Осипа и постращать его, тѣмъ болѣе, что и самъ онъ не оспаривалъ пользы этого, увѣряя, что народъ нынѣ все другъ на друга смотрятъ и что потачки нельзя давать никому. Но затѣмъ Иванъ Тимоѳеичъ простилъ Осипа, то есть не наказывалъ его, а велѣлъ приходить еще разъ за паспортомъ, обѣщавъ написать господамъ и просить ихъ, чтобы еще потерпѣли до слѣдующаго года: «а коли тогда не внесешь, то ужь не прогнѣвайся, будетъ плохо: либо съ тягла ссажу тебя да въ работу пошлю, либо лобъ забрѣемъ. Дальше дѣлать съ тобой нечего.»

Осипъ провелъ дома, въ семьѣ, нѣсколько недѣль довольно спокойно, готовясь опять въ путь: «за одинъ-то годъ - говорилъ онъ - Богъ дастъ, какъ нибудь уплачу я оброкъ, а ужь за два - хоть разопнуться, такъ не добудешь, объ этомъ и думать нечего. А что будетъ со мной, какъ и на тотъ годъ приду, хоть не то, что какъ нынѣ, да съ недоимкой? А что жь будетъ - будетъ, что Богу угодно. Власть Его святая.»

Пришло время отправленія, и Осипъ, получивъ паспортъ свой и строгое повтореніе добрыхъ совѣтовъ и наказовъ, отправился. Всю дорогу раскидывалъ онъ на умахъ, какъ ему ухитриться, чтобы отбыть повинность съ недоимками и выйти хоть безъ поживы, да лишь бы самому быть живу. «Не до барыша - думалъ онъ про себя - была бы слава хороша....» а, между тѣмъ, и на умахъ у него концы съ концами не сходились. Онъ опять подумалъ: «власть Господня», и пошелъ дальше.

Проработавъ еще круглый годъ, не заболѣвъ ни разу и не посягая на спасеніе

погибающихъ, Осипъ заработалъ и на этотъ разъ получилъ отъ подрядчика долю свою сполна; но ея едва только доставало на уплату годичнаго оброка, потому что онъ принужденъ былъ услать домой рублей семьдесятъ, частію на прокормъ семьи, а частію на помощь ей же, по полученной отпискѣ, что лошадка пала и работать нечѣмъ. Возвращаясь домой самъ-третей, съ двумя товарищами, онъ уже принимался разсчитывать на всѣ лады; но и тутъ и тамъ не хватало, потому что и тутъ и тамъ были долги, послѣ несчастнаго года. Горе стало больно опять одолѣвать нашего двоеданца; а когда его еще и товарищи обидѣли дорогой, напившись пьяными и поколотивъ его самъ-другъ за то, что онъ во весь путь не хотѣлъ поднести имъ ни одной косушки, то онъ, крѣпко разбранившись съ ними, покинулъ ихъ хмѣльныхъ и пошелъ одинъ впередъ. «Что ближе изъ неминучей бѣды, то лучше - подумалъ онъ - за горами только страсти живутъ.»

На другой день, когда завѣтная дума стала у него все больше и больше

разъигрываться, онъ то упадалъ духомъ, плачась на судьбу свою, то опять придумывалъ средства, какъ бы пособить горю, то со спокойствіемъ и рѣшимостью шелъ встрѣтить свою участь. Невольно пришло ему при этомъ на мысль, что-де есть же люди богатые, которымъ ничего не стоило бы подарить бѣдняку сто рублевъ, и бѣднякъ былъ бы спасенъ. Вспомнилъ онъ также извѣстное въ томъ краю происшествіе, гдѣ крестьянинъ срѣзалъ чемоданъ у проѣзжающаго и нашелъ тамъ, кромѣ вещей, большую сумму денегъ, такъ, что разжился съ той поры, между тѣмъ, какъ прошло уже годовъ болѣе десятка и никто не дознался этого дѣла, и мужикъ живетъ себѣ спокойно и богатѣетъ. «Стало быть, не раззорилъ же онъ того господина - продолжалъ онъ думать, выводя Богъ вѣсть изъ чего такое заключеніе - а опосля того онъ зарекся и сталъ мужикъ смирный и честный, не обижаетъ никого.... А пошелъ онъ на это дѣло, можетъ статься, также не по своей волѣ, а по нуждѣ....»

Осипъ оглянулся, а за нимъ тянется по сыпучему песку рыдванъ осмерикомъ. Клячъ напутано много, но толку мало: пески по ступицу. Рыдванъ поровнялся съ Осипомъ. Время холодное, все кругомъ запутано, а на запяткахъ привязанъ, будто для соблазна, чемоданище, съ замкомъ, продѣтымъ въ ременную мочку. Съ четверть часа Осипъ шелъ рядомъ съ каретой, поглядывая то на ямщика и лошадей, то на чемоданъ, въ которомъ, надо быть, набиты все одни деньги. Были сумерки, лѣсъ по обѣ стороны дороги тянулся вплоть, и Осипъ подумалъ: «еслибъ кто сталъ срѣзывать чемоданъ этотъ, и даже воришку замѣтили бы съ козелъ, то ему легко, по первому крику, соскочить и уйти въ лѣсъ.... а принести-то мнѣ нечего барину, въ контору, то есть, хоть и всѣ отдать, такъ все недочетъ великъ; а дома-то что будетъ?»

Осипъ оглянулся - онъ шелъ уже слѣдомъ за каретой - никого нѣтъ, все пусто. Онъ присѣлъ на запятки, думая: хотя доѣду, все легче будетъ.... а, между

тѣмъ, ощупывая кругомъ чемоданъ и видя, что онъ только припутанъ веревкой, Осипъ досталъ изъ-за пояса топоръ свой и продолжалъ думать: «вотъ какъ бары-то безъ оглядки ѣздятъ - видно, много у нихъ лишняго добра - долго ль до грѣха, вотъ вѣдь только подрѣзать веревку и своротилъ его долой, пожалуй и самъ упадетъ, какъ гдѣ тряхнетъ на кочкѣ....» Думая это, онъ уже подрѣзалъ веревки, о которыхъ говорилъ, сбросилъ чемоданъ на землю, а самъ стоялъ передъ нимъ въ какомъ-то страхѣ и недоумѣніи, оглядываясь во всѣ стороны. Онъ почти уже хотѣлъ кричать вслѣдъ за рыдваномъ, чтобъ взяли потерянный чемоданъ, но у него затянуло гортань, такъ что онъ съ трудомъ только дышалъ, а говорить не могъ.

«Что будешь дѣлать - сказалъ Осипъ, надумавшись - стало быть, такая судьба моя; тутъ мудровать нечего: взялъ чемоданъ за ухо и потащилъ его черезъ канавку, въ сторону.» Уже порядочно смеркалось, а потому Осипъ далеко въ лѣсъ не забирался, а расположился на

опушкѣ и, взрѣзавъ кожу, началъ перебирать вещи, доискиваясь денегъ. Долго перерывалъ онъ бѣлье, книжки, платья, одѣяла и проч. и никакъ не могъ понять, куда эти деньги дѣвались. Перебравъ все по ниточкѣ и убѣдясь наконецъ, что денегъ нѣтъ, онъ всталъ, поглядѣлъ вокругъ себя и опять на добычу свою и, горемычно почесывая затылокъ, теперь только сталъ раздумывать, какъ же ему быть и куда съ вещами дѣваться. Во первыхъ, онъ чемодана не донесетъ на себѣ; во вторыхъ, еслибъ и донесъ или выбралъ что есть получше изъ вещей, такъ неминуемо съ ними попадется, потому что на слѣдующей же станціи проѣзжающіе, безъ сомнѣнія, объявятъ о пропажѣ, а село наше оттуда всего двадцать верстъ. «Эка притча - подумалъ онъ - эко грѣхъ попуталъ! Догнать было ихъ да сказать, что нашелъ, такъ не догонишь теперь, да и не повѣрятъ: веревки обрѣзаны, попадешься и не раздѣлаешься....» Осипъ плюнулъ, проклялъ соблазнителя своего, перекрестился и пошелъ скорыми шагами

впередъ, бросивъ чемоданъ и вещи на произволъ судьбы.

Между тѣмъ, двое товарищей его, съ которыми онъ поссорился, покинувъ ихъ назади, проспались, протрезвились и, торопясь домой, къ разсвѣту пришли на мамаево побоище, какъ они его называли, на то мѣсто, гдѣ лежали распоротый чемоданъ и разбросанныя вещи. Они также шли сторонкой, тропой, и потому прямо наткнулись на осипову безпутную работу. «Это что, парень, гляди-ка!» - поглядѣли сперва, оробѣли было немного, полагая, что тутъ былъ разбой и убійство, но, разобравъ и догадавшись вскорѣ, въ чемъ дѣло, разсудили, что, чѣмъ добру этому пропадать тутъ даромъ, такъ лучше его забрать.

- Весь чемоданъ съ собой тащить опасно, сказалъ одинъ: - а мы, братъ, Серега, разберемъ-ка лучше по рукамъ, что есть получше, да, завернувъ во что нибудь, привѣсимъ себѣ замѣстъ котомокъ, и пойдемъ: гляди-ка ты, что добра тутъ! Это вотъ, вишь, бѣлье все тонкое, хорошее, - и

платье тожь: придемъ домой, спрячемъ, а опосля продадимъ.

- Разумѣется, сказалъ другой: - намъ что, мы ни въ чемъ не причастны, безъ грѣха: намъ Богъ послалъ; а это чья работа - мы не вѣдаемъ.

Но едва успѣли они подойти къ ближайшей деревнѣ, гдѣ была станція, какъ ихъ обоихъ обступили, потому что тутъ уже стерегли, не покажется ли какой нибудь подозрительный человѣкъ. Туда-сюда, стали ихъ ощупывать, осматривать, нашли у одного въ карманѣ шелковый платочекъ и принялись развязывать котомки. Тутъ дѣваться было уже некуда: бѣдняки мои пали въ ноги и стали божиться и заклинаться, что они не воры, а находчики. Ихъ связали и отправили, вмѣстѣ съ найденнымъ по ихъ же указанію чемоданомъ, въ судъ.

Осипъ пришелъ домой, поздоровался съ хозяйкой и ребятишками, разсказывалъ немного, былъ какъ-то молчаливъ и угрюмъ и поминалъ нѣсколько разъ бѣду свою, что не знаетъ, какъ и съ чѣмъ завтра

показаться въ контору. Ему на другой день будто не здоровилось, и онъ просидѣлъ дома. Къ вечеру въ этотъ же день пришла на село вѣсть, что Серега съ товарищемъ попались вотъ по какому дѣлу, что видно-де лукавый попуталъ и хоть жаль ребятъ, а пропадать имъ не миновать: добра въ чемоданѣ было на большія деньги. Чего добраго, сошлютъ.

Осипъ какъ будто только этого и ждалъ: какъ у него въ сосѣдствѣ раздался вой серегиной хозяйки, которая вышла нарочно для этого на улицу, заламывала руки и причитывала, то Осипъ всталъ, попросилъ прощенья у жены своей, которая не могла понять, что это значитъ, благословилъ ребятишекъ и пошелъ въ контору.

- Здравствуйте, батюшка, Иванъ Тимоѳеичъ, сказалъ онъ: - много благодаренъ милости барской и вашей, что не раззоряли вы меня, а ждали оброкъ съ меня третій годъ. Что Богъ далъ, я принесъ, вотъ все до копѣйки, не оставилъ дома ни гроша. Только вотъ что, Иванъ

Тимоѳеичъ, вы извольте поскорѣе отправить меня въ судъ. Хоть Серега со Степаномъ обидѣли меня больно, побили задоромъ, да ужь за это Богъ ихъ проститъ, а напраслины имъ терпѣть нельзя: чемоданъ-то я срѣзалъ сдуру у проѣзжихъ, вотъ и топоръ мой, имъ и веревки обрѣзалъ, да опосля бросилъ, не взялъ ничего; а они ни въ чемъ не виноваты, они пришли на готовое. Такъ ужь простите, батюшка Иванъ Тимоѳеичъ, вы меня грѣшнаго, продолжалъ Осипъ, повалясь въ ноги: - что и васъ, то есть, и барина я этимъ изобидѣлъ; а меня прикажите вести въ судъ: видно, судьба моя такая.